

Если вооруженныя силы уничтожены, то потеря территоріи является сама собой; однако завоеваніе страны не влечетъ за собой уничтоженія вооруженныхъ силъ, такъ какъ послѣднія могли очистить территорію добровольно, съ тѣмъ, чтобы потомъ отвоевать ее еще легче.

Съ другой стороны, не только общее уничтоженіе вооруженныхъ силъ влечетъ за собой потерю территоріи, но и каждое ихъ значительное ослабленіе сопровождается неминуемо потерей части края; но не всякая хотя значительная потеря территоріи ведетъ неминуемо и къ большому ослабленію вооруженныхъ силъ; такое ослабленіе можетъ, конечно, проявиться, но только впоследствии, и не всегда въ тотъ еще періодъ, въ который рѣшается судьба войны.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что сохраненіе своихъ и уничтоженіе непріятельскихъ вооруженныхъ силъ есть самое главное и должно предшествовать занятію территоріи; иными словами, что полководецъ долженъ прежде всего стремиться къ уничтоженію вооруженныхъ силъ непріятеля; занятіе же территоріи выдвигается впередъ только тамъ, гдѣ *первое не вполне ее замѣняетъ* ¹⁾.

Если бы непріятельская вооруженная сила состояла изъ *одной* арміи, а вся война сводилась къ *одному* сраженію, то обладаніе краемъ зависело бы отъ исхода этого сраженія. Оно имѣло бы послѣдствіемъ уничтоженіе боевыхъ силъ непріятеля, завоеваніе его территоріи и обезпеченіе своей собственной; все это, такъ сказать, было бы его нераздѣльной принадлежностью.

Спрашивается теперь, что именно можетъ побудить обороняющагося уклониться отъ этой простѣйшей формы войны и съ тѣмъ, чтобы раздѣлить свои силы (могущество, Macht) въ пространствѣ? Отвѣтъ тотъ, что побѣда, которую онъ могъ бы одержать соединенными силами, будетъ недостаточной. Всякая побѣда имѣетъ свою сферу вліянія (Wirkungskreis). Если сфера эта распространяется на все непріятельское государство, на всѣ его силы и всю территорію, т. е. если все то, что составляетъ ядро его могущества, будетъ охвачено общимъ потокомъ нашихъ побѣдъ, то больше не нужно и для раздѣленія силъ не нашлось бы достаточныхъ причинъ. Но если есть такія части непріятельскихъ вооруженныхъ силъ или части обоюдной территоріи, на которыя бы побѣда наша

¹⁾ Вѣроятно авторъ подразумѣваетъ случаи, когда уничтоженіе боевыхъ силъ противника, все-таки, не можетъ повлечь за собой занятіе нами известной нужной намъ части его территоріи.

не повліяла, то придется принять ихъ въ расчетъ особо, а такъ какъ невозможно собрать въ одинъ пунктъ всю територію на подобіе вооруженныхъ силъ, то придется для обороны територіи раздѣлить боевыя силы.

Полное сосредоточеніе вооруженныхъ силъ возможно только для государства малаго и округленнаго; тогда вѣроятно, что побѣда *надъ ними* рѣшить все дѣло. Но такое сосредоточеніе непріятельскихъ силъ немыслимо, когда масса пространства обширна и прикасается нашихъ границъ длинными рубежами: еще менѣе вѣроятно оно и практически просто невозможно, когда имѣемъ противъ себя союзъ государствъ, прикасающихся къ намъ съ разныхъ сторонъ. Тутъ раздѣленіе силъ неизбежно, а вмѣстѣ съ тѣмъ являются и различные театры войны.

Сфера вліянія побѣды зависитъ естественно отъ ея *размѣри*, величины (Grösse), а послѣдній отъ *массы побѣжденныхъ войскъ*. Итакъ, самымъ дѣйствительнымъ и далеко вліяющимъ будетъ *тотъ удачный ударъ*, который направленъ туда, гдѣ собрана самая большая масса непріятельскихъ силъ. Съ другой стороны, успѣхъ нашъ тѣмъ болѣе обезпеченъ, чѣмъ значительнѣе масса нашихъ силъ, коими наносимъ ударъ непріятельской главной массѣ. Этотъ естественный рядъ умственныхъ представленій (Vorstellungreihe) приводитъ насъ къ образному выраженію, яснѣе мысль нашу представляющему — это свойства и воздѣйствіе центра тяжести въ механикѣ.

На войнѣ какъ и въ механикѣ центръ тяжести тамъ, гдѣ масса самая сгущенная; точно также и усиліе, направленное на механическій центръ тяжести, окажетъ дѣйствіе самое большее и, наоборотъ, самый сильный ударъ наносится центромъ тяжести силы.

Вооруженныя силы воюющей стороны, одного ли государства или союза единичныхъ государствъ, въ извѣстной степени объединены и этимъ связаны между собой, слѣдовательно, тамъ, гдѣ связь, является нѣчто аналогичное центру тяжести.

Итакъ, вооруженныя силы имѣютъ свои центры тяжести, которыхъ движеніе и направленіе рѣшаетъ участь и на другихъ пунктахъ; а эти центры тяжести находятся тамъ именно, гдѣ собрано большинство силъ. Но и на войнѣ, точно также какъ и въ механикѣ мертвыхъ тѣлъ, дѣйствіе на центръ тяжести имѣетъ свой предѣлъ и мѣру, въ зависимости отъ силы сцѣпленія частицъ тѣла. Такимъ образомъ и на войнѣ ударъ можетъ быть несоразмѣрно

больше силы сопротивленія; послѣдствіемъ этой расточительности является ударъ на воздухъ.

Весьма неодинакова внутренняя связь съ одной стороны арміи одного знамени, стремящейся въ бой подъ началомъ *единого* полководца, а съ другой — *силъ союзныхъ* — раскинутыхъ на 50 или 100 миль, или пожалуй базирующихся въ разныя стороны. Тамъ связь будетъ самая сильная, единство самое близкое, тутъ же единство весьма слабое, оно иногда кроется лишь въ общей политической цѣли, да и то ограниченно (скудно, dürftig) и несовершенно. За сѣмъ связь частей зачастую весьма слаба и даже просто призрачна.

Итакъ, если съ одной стороны ради силы удара требуется самое большое сосредоточеніе массы, то съ другой — всякое излишнее увлеченіе этимъ поведетъ лишь къ настоящему вреду. Можетъ приключиться именно расточительность въ примѣненіи силъ въ одномъ пунктѣ, а засимъ *недостача* ихъ въ другихъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что высшимъ произведеніемъ стратегическаго рѣшенія (Urtheil) будетъ: различить центры тяжести непріятельскихъ военныхъ силъ и опредѣлить ихъ сферы дѣйствія. Всякій разъ слѣдуетъ спрашивать себя: какое вліяніе окажетъ наступленіе или отступленіе одной изъ частей противныхъ сторонъ на остальные.

Указанное нами отнюдь не считаемъ своимъ изобрѣтеніемъ. Мы для разъясненія способовъ дѣйствій всѣхъ временъ и полководцевъ, нашли выраженіе (Vorstellung), опредѣляющее связь ихъ съ природою вещей (дѣлъ, Dinge).

Въ послѣдней главѣ разсмотримъ, какъ идея центра тяжести непріятельскихъ силъ проявляется во всемъ планѣ войны; пока же, мы позаимствовали ее оттуда во избѣжаніе пробѣла въ вереницѣ представленій (пониманія, Vorstellungsreihe). Мы узнали, чѣмъ именно обусловливается распредѣленіе боевыхъ силъ вообще. На него вліяютъ два противоположныя стремленія. Одно изъ нихъ желаніе *завладѣть краемъ*, требуетъ раздѣленія силъ; другое, *ударъ въ центръ тяжести непріятельскихъ силъ*, напротивъ того, въ мѣрѣ возможности, стремится собрать ихъ во едино.

Такимъ образомъ, являются театры войны или раіоны отдѣльныхъ армій. Это такія подраздѣленія (Abgränzungen) поверхности края и находящейся на ней боевой силы, которыя сами по себѣ образуютъ нѣчто единое, цѣльное, такъ что всякое рѣшеніе, данное главными силами на этой территоріи, непосредственно рас-

пространяетъ свое вліяніе на все ея цѣлое и увлекаетъ его съ собою. Мы сказали тутъ *непосредственно*, потому что рѣшеніе на одномъ театрѣ войны должно имѣть естественно болѣе или менѣе косвенное вліяніе и на сосѣдніе.

Настоятельно напоминаемъ еще разъ, что мы тутъ, какъ и вездѣ въ опредѣленіяхъ (дефиниціяхъ, Definitionen) нашихъ, намѣчаемъ только среднія точки (центры) извѣстныхъ областей представленій (Vorstellungsreihe), отнюдь не наравня очертивъ ихъ рѣзкими рубежами, что было бы противно природѣ дѣль.

Итакъ мы полагаемъ, что театръ войны какого бы ни было предѣла, любого крупнаго или мелкаго размѣра изображаетъ со своей боевой силой такую именно единицу, которую можно свести къ *одному* центру тяжести. Рѣшеніе должно быть разыграно въ этомъ именно центрѣ тяжести; побѣдить на немъ значить защитить театръ войны въ самомъ широкомъ смыслѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Продолженіе предыдущей главы.

Оборона, какъ уже сказано, состоитъ изъ двухъ различныхъ началъ (Elemente), а именно, *выжиданія* и *рѣшенія* (Entscheidung). Предметомъ настоящей главы будетъ связь между ними.

Прежде всего приходится высказать, что хотя выжидательное состояніе не есть совершенная (законченная, vollendete) оборона, но она есть та область, по которой оборона подвигается къ своей цѣли. Пока войска не оставили довѣренной себѣ части края, то все еще продолжается состояніе обоюднаго напряженія силъ, вызваннаго вторженіемъ. Покой же является лишь послѣдствіемъ рѣшенія. А это рѣшеніе, каково бы оно ни было, должно считать состоявшимся тогда только, когда одна изъ противныхъ сторонъ очиститъ театръ войны.

Итакъ, оборона продолжается, пока боевая сила держится въ своемъ участкѣ (Gebiet), и въ этомъ смыслѣ оборона театра войны тождественно сливается (identisch) съ обороной войскъ, *на немъ* дѣйствующихъ. Много-ли, мало-ли пространства успѣлъ захватить противникъ — не имѣетъ существеннаго значенія, потому что обладаніе его только временное.

Сказаннымъ выше желали мы установить истинное соотноше-

ніе выжидательнаго состоянія къ цѣлому (оборонительной войнѣ). Однако, этотъ способъ пониманія нашего (*Vorstellungsart*) вѣренъ тогда только, когда рѣшеніе дѣйствительно предвидится и обѣ стороны считаютъ его неизбѣжнымъ, потому что только рѣшеніе придаетъ центрамъ тяжести обоюдныхъ силъ, равно и театрамъ войны значеніе чего-то *дѣйствительнаго, вліятельнаго* (*wirksame Dinge*).

Напротивъ того, коль скоро нѣтъ помина о рѣшеніи, то центры тяжести нейтрализируются; мало того, въ извѣстной мѣрѣ, нейтрализируются и боевыя силы вообще; а засимъ въ видѣ непосредственной цѣли проталкивается впередъ обладаніе територіею, этого второго главнаго члена (*Hauptglied*) театра войны. Иными словами, чѣмъ менѣе обѣ стороны стремятся къ рѣшительнымъ столкновеніямъ, чѣмъ болѣе война приближается къ простому обоюдному наблюденію, тѣмъ важнѣе становится обладаніе краемъ. Тогда обороняющійся старается, по возможности, прикрывать все непосредственно, а наступающій, наоборотъ, распространится побольше.

Нельзя не признать, что большинство войнъ и походовъ характеромъ своимъ приближались гораздо болѣе къ простому наблюденію, нежели къ борьбѣ на жизнь и на смерть, т. е. къ такой войнѣ, въ которой по меньшей мѣрѣ одна сторона ищетъ рѣшенія. Только войны XIX столѣтія имѣли этотъ характеръ въ степени столь важной, что къ нимъ можно примѣнить теорію, изъ него исходящую¹⁾. Однако, едва-ли всѣ будущія войны сохранять тотъ же характеръ. Можно, напротивъ того, предположить, что большинство опять будетъ склоняться къ наблюденію; этого не должна упускать теорія, дѣйствительно пригодная для жизни.

Итакъ, прежде всего займемся случаемъ, когда все проникнуто мыслью о рѣшеніи и ею направляется. Это случай войны настоящей, такъ сказать, абсолютной. Въ другой главѣ займемся тѣми видоизмѣненіями, которыя являются послѣдствіемъ большаго или меньшаго приближенія войны къ состоянію наблюденія.

Итакъ, оборона театра войны въ первомъ случаѣ (когда сами ищемъ рѣшенія или ожидаемъ этого отъ непріятели, что въ сущности все равно) будетъ состоять въ томъ, что мы держимся въ немъ такъ, чтобы всякую минуту быть готовыми съ выгодой разыграть рѣшеніе. Самое рѣшеніе можетъ состояться въ одномъ сраженіи, или въ рядѣ нѣсколькихъ болѣе крупныхъ боевъ; оно, нако-

¹⁾ Авторъ подразумѣваетъ войны Наполеоновскія.

нецъ, можетъ проявиться въ видѣ результата однихъ лишь взаимныхъ отношеній, то есть послѣдствій *возможныхъ* сраженій, вѣроятность коихъ основана на расположеніи и соотношеніи противныхъ боевыхъ силъ ¹⁾.

Неоднократно уже, по разнымъ случаямъ, было нами указано, что сраженіе есть главнѣйшее (*vornehmste*), самое дѣйствительное и обыденнѣйшее средство рѣшать дѣло. Но если бы сраженіе, не будучи главнѣйшимъ вообще, но только находилось въ числѣ средствъ рѣшающихъ, то одного этого было бы достаточно, чтобы потребовать *самаго полнѣйшаго соединенія силъ*, насколько это допускается обстоятельствами.

Генеральное сраженіе на театрѣ войны, это—столкновение центра тяжести одной стороны съ центромъ тяжести другой. Послѣдствія столкновения тѣмъ болѣе для насъ благоприятны, чѣмъ больше силъ успѣли мы собрать въ одну точку. На этомъ основаніи *достойно порицанія* всякое частное употребленіе силъ, если онѣ не направлены именно въ видахъ успѣшнаго исхода этого сраженія, или же не вызваны необходимостью достигнуть такой цѣли (*Zweck*), которая не можетъ быть достигнута и удачнымъ генеральнымъ сраженіемъ.

Однако, возможно бдльшее сосредоточеніе силъ еще недостаточно; требуется еще другое основное условіе, а именно, такое ихъ расположеніе и состояніе (*Stellung und Lage*), чтобы мы могли разыграть сраженіе при условіяхъ надлежаще выгодныхъ.

Съ этими основными условіями совершенно однородны (*homogen*) разныя степени обороны, съ коими мы познакомились въ главѣ о видахъ сопротивленія (*Widerstandsarten*), а потому не трудно приаровить эти условія къ требованіямъ всякаго даннаго случая. Однако, одинъ пунктъ на первый взглядъ какъ будто заключаетъ въ себѣ противорѣчіе; онъ, слѣдовательно, требуетъ дальнѣйшаго развитія въ особенности по той причинѣ, что онъ одинъ изъ главнѣйшихъ, касающихся обороны. Говоримъ объ ударѣ въ центр тяжести противника.

Если обороняющійся заблаговременно узнаетъ по какимъ

¹⁾ Авторъ подразумѣваетъ тутъ *возможныя*, хотя на дѣлѣ не разыгранныя сраженія, кои тѣмъ не менѣе оказали свое вліяніе, иногда, очень вѣское, такъ какъ сраженіе *не разыгралось* потому только, что одна изъ сторонъ, уклоняясь отъ столкновенія, подчинилась тѣмъ самымъ всемъ невыгодамъ, отъ этого уклоненія проистекающимъ. Невыгоды эти могутъ быть весьма различны, напри- мѣръ, потеря важныхъ пунктовъ или частей территоріи, отступленіе въ невыгодномъ направленіи и даже капитуляція.

именно путямъ противникъ будетъ наступать и на которомъ изъ нихъ можно навѣрное найти ядро его силъ, то онъ встрѣтитъ наступающаго на этой именно дорогѣ. Это будетъ случай самый обыденный, потому что, хотя мирная подготовка обороной военныхъ силъ и средствъ вообще (укрѣпленные пункты, склады) предшествуетъ наступленію и, конечно, служить послѣднему путеводной нитью, то оборона съ открытіемъ военныхъ дѣйствій пользуется, по отношенію непріятельскихъ вторгнувшихся силъ, той особой выгодой, что она за рукою (*in der Hinterhand*).

Вторженіе значительныхъ силъ въ непріятельскую землю требуетъ обширныхъ предварительныхъ мѣропріятій, каковы: сборъ продовольствія, запасовъ, предметовъ снаряженія и т. п., для чего нужно время, достаточное для того, чтобы дать обороняющемуся возможность примѣнить свои мѣропріятія. Не лишне добавить, что обороняющійся можетъ довольствоваться меньшимъ срокомъ, по той причинѣ, что вообще во всякомъ государствѣ все подготовлено болѣе для обороны, нежели для наступленія.

Но если сказанное вѣрно въ большинствѣ случаевъ, то все-таки возможно, что въ данномъ единичномъ случаѣ обороняющійся не увѣренъ, какую главную линію для своего вторженія изберетъ противникъ. Это невыгодно въ особенности тогда, когда оборона основана на мѣропріятіяхъ, требующихъ много времени, напримѣръ, подготовка крѣпкой позиціи и т. п. Далѣе даже тогда, когда обороняющійся дѣйствительно очутится на линіи наступленія противника, но не бросится послѣднему навстрѣчу, съ цѣлью разыграть бой наступательный, то вторгнувшійся можетъ миновать позицію, занятую обороняющимся. Для исполненія этого достаточно ему уклониться нѣсколько отъ начальнаго направленія. Дороги для этого въ культурной Европѣ всегда найдутся. А въ такомъ случаѣ обороняющійся, очевидно, не можетъ выжидать непріятеля, оставаясь на своей позиціи, но меньшей мѣрѣ, не съ намѣреніемъ дать тамъ сраженіе.

Приступая къ указанію средствъ, конми въ состояніи пользоваться обороняющійся въ данномъ случаѣ (когда онъ не увѣренъ куда именно направится вторгающійся), приходится до того еще поближе взглянуть какъ на самую природу (*Natur*) такого случая, такъ и на вѣроятность его появленія.

Естественно, что въ каждомъ государствѣ и на каждомъ театрѣ войны находятся пункты и предметы, атака коихъ можетъ повлечь за собой особо важныя послѣдствія. Считаемъ, впрочемъ, болѣе

умѣстнымъ поговорить объ этомъ точнѣе и обстоятельнѣе, разбирая атаку. Тутъ пока остановимся на томъ, что если самый выгодный предметъ или пунктъ указываетъ вторгающемуся направленіе для удара, то это же отражается и на обороняющемся и руководитъ имъ въ случаяхъ, когда ему о намѣреніяхъ противника ничего неизвѣстно.

Если бы вторгающійся не взялъ этого лучшаго для себя направленія, то онъ лишился бы части своихъ природныхъ (natürlichen) выгодъ. Итакъ, видимъ, что коль скоро обороняющійся расположенъ въ этомъ именно направленіи, то наступающіи не можетъ даромъ избѣжать его и обойти; потребуются жертвы.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что вѣроятность, чтобы обороняющійся не попалъ на направленіе противника, не такъ велика, какъ можетъ казаться на первый взглядъ. Точно также мало вѣроятности, чтобы наступающій имѣлъ возможность (Fähigkeit) пройти мимо обороняющагося. Для такого или иного направленія существуетъ опредѣленное въ большинствѣ весьма вѣское основаніе. Изъ чего слѣдуетъ, что обороняющійся въ большинствѣ случаевъ встрѣтитъ ядро противника своими, къ мѣсту привязанными средствами. Иными словами: *если обороняющійся сталъ правильно (richtig), то онъ въ большинствѣ случаевъ можетъ быть уверенъ, что противникъ пойдетъ на него.*

Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать возможности, что обороняющійся когда-либо и не встрѣтитъ наступающаго своими мѣропріятіями (Anstalten), а потому является вопросъ, что ему остается дѣлать и какія еще присущія ему выгоды останутся за нимъ.

Если спросимъ, что вообще можетъ предпринять обороняющійся для противодѣйствія наступающему въ указанныхъ случаяхъ, то окажется слѣдующее:

1) Съ мѣста (заранѣе, von Hause aus) раздѣлить свои силы съ тѣмъ, чтобы одной частью навѣрно встрѣтить противника, а съ другой послѣшить на помощь.

2) Собрать всѣ силы вмѣстѣ, съ тѣмъ, чтобы быстро двинуться въ сторону и заступитъ дорогу противнику, если онъ будетъ проходить мимо. Въ большинствѣ случаевъ нельзя будетъ подойти на перерѣзъ прямо сбоку, но придется занять новое расположеніе нѣсколько позади.

3) Атаковать противника соединенными силами сбоку.

4) Дѣйствовать на его пути сообщенія.

б) Обратнымъ наступленіемъ на его театръ войны предпринять точно тоже самое, что онъ исполняетъ противъ насъ.

Приводимъ это послѣднее средство потому, что можно себѣ представить и такую обстановку, когда оно можетъ оказаться дѣйствительнымъ. Однако, такая мѣра противорѣчитъ намѣреніямъ обороны, т. е. противорѣчитъ тѣмъ причинамъ, по коимъ избранъ именно образъ дѣйствій оборонительный. А потому указанное средство приходится признать ненормальнымъ (Abnormität), оправданнымъ развѣ крупными промахами противника или другими особенностями даннаго случая.

Дѣйствіе на непріятельскую линію сообщенія предполагаетъ превосходство въ этомъ отношеніи нашей линіи. Впрочемъ, это послѣднее условіе есть коренное, безъ коего оборонительная позиція немыслима. Однако, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что хотя дѣйствія на сообщенія противника сулятъ оборонѣ извѣстныя выгоды, однако, онѣ при одной лишь оборонѣ театра войны рѣдко только способны вызвать *рѣшеніе* (Entscheidung). А между тѣмъ это именно рѣшеніе, по нашему предположенію, и поставлено цѣлью кампаніи.

Размѣры (разстоянія) одиночнаго театра войны обыкновенно не такъ велики, а потому и линіи сообщеній не очень чувствительны, а если это послѣднее и допустить, то обыкновенно не хватитъ времени, необходимаго для нанесенія удара. Вообще дѣйствіе этого способа медленно и не можетъ остановить наступающаго.

Итакъ, воздѣйствіе на сообщенія противника, стремящагося къ рѣшенію (рѣшительному бою) будетъ въ большинствѣ случаевъ не дѣйствительно, а также и тогда—когда самъ обороняющійся настойчиво ищетъ сраженія.

Что касается остальныхъ трехъ средствъ (способовъ) обороняющагося, то они направлены въ сторону непосредственнаго рѣшенія, къ удару одного центра тяжести, направленнаго на другой, а потому и болѣе соотвѣтствуютъ цѣли (задачѣ, Aufgabe). Однако, не можемъ не высказать, что признаемъ за средствомъ, указаннымъ подъ номеромъ третьимъ (нападеніе на противника сбоку) ббльшія преимущества противъ приведенныхъ выше его, хотя и тѣхъ вполнѣ не отвергаемъ.

При раздѣльномъ расположеніи легко грозитъ опасность, что влупаемся въ войну постовъ (кордонную), которая противъ рѣшительнаго противника въ лучшемъ случаѣ приведетъ лишь къ *зна-*

чительному относительному (relativ) сопротивленію, но отнюдь не къ рѣшенію (рѣшительнымъ дѣйствіямъ), коими мы задались. Но если мы даже руководимые вѣрнымъ тактомъ счумѣемъ избѣжать указаннаго ложнаго направленія (ошибки, Abweg), то и тогда ударъ нашъ вслѣдствіе начальнаго раздѣльнаго расположенія будетъ замѣтно ослабленъ; притомъ никогда нельзя быть увѣреннымъ, не потерпѣтъ-ли первая наша выдвинутая впередъ часть силъ потерь несоразмѣрныхъ. Къ этому присоединяется еще и замѣтное ослабленіе силъ нравственныхъ, потому что обыкновенно дѣло разыгрывается такъ, что передовой части приходится отступать на подоспѣвающія главные силы. Такимъ образомъ получается впечатлѣніе, что сраженіе потеряно и предыдущія мѣропріятія были ошибочны.

Второе средство, какъ сказано, состоящее въ томъ, чтобы собранными заранѣе силами преградить дорогу обходящему непріятелю, представляетъ ту опасность, что можно запоздать и застрять между двумя мѣропріятіями. Независимо того, оборонительное сраженіе требуетъ спокойствія, обдуманности, знакомства съ мѣстностью, даже самаго близкаго. А все это при поспѣшномъ прегражденіи пути непріятелю едва-ли достижимо. Наконецъ, позиціи, представляющія хорошее поле оборонительной битвы, рѣдки почему нельзя рассчитывать на нихъ на всякомъ пути и любомъ пунктѣ.

Напротивъ того, атака, направленная сбоку на наступающаго, ведущая къ сраженію съ обратнымъ фронтомъ, соединена съ большими выгодами. Прежде всего, какъ знаемъ, является тогда у одной стороны открытіе (оголеніе, Entblözung) линій сообщенія, а у другой отступленія. А между тѣмъ это болѣе выгодно для обороняющагося вслѣдствіе тѣхъ стратегическихъ свойствъ его расположенія, которыя мы поставили неизмѣннымъ условіемъ.

Далѣе, а это главное, что наступающій, желающій обойти (пройти мимо) противника, спутанъ (Verwickelt) двумя совершенно противоположными стремленіями. Онъ по настоящему желаетъ подвигаться впередъ, чтобы достигнуть предмета своего наступленія. А между тѣмъ онъ въ виду ежеминутной возможности быть атакованнымъ сбоку, вынужденъ ежеминутно же быть готовымъ направить въ ту же сторону ударъ, а именно, ударъ всѣми силами.

Указанныя два стремленія противорѣчатъ одно другому. Является такая запутанность внутреннихъ отношеній, такое затрудненіе мѣропріятій (если они должны соответствовать всякимъ

случаямъ), что едва-ли найдется болѣе проклятое (verwünstere) стратегическое положеніе.

Если бы наступающій навѣрно зналъ, когда и гдѣ будетъ атакованъ, то могъ бы приготовиться съ искусствомъ и толкомъ; но незнаніе этого, вмѣстѣ съ необходимостью двигаться впередъ, ставить его въ такое положеніе, что онъ едва-ли въ состояніи избѣжать того, что сраженіе застигнетъ его собравшимъ свои силы только съ грѣхомъ пополамъ (höchst nothdürftig), то есть—навѣрное не среди выгодныхъ условій.

Если у обороняющагося бываютъ когда-либо минуты, благопріятствующія наступательному сраженію, то рассчитывать на нихъ можно, прежде всего, въ указанной обстановкѣ. Къ этому нужно еще прибавить, что обороняющійся пользуется при этомъ знаніемъ мѣстности и ея выборомъ, что онъ можетъ подготовить свои передвиженія и дать имъ начальный ходъ (einleiten), а потому нельзя сомнѣваться, что обороняющійся и при указанныхъ условіяхъ (когда непріятель проходитъ мимо его позиціи) сохраняетъ еще надъ противникомъ рѣшительное стратегическое превосходство.

Итакъ, думаемъ, что обороняющійся, находящійся съ соединенными силами на хорошо расположенной позиціи, можетъ спокойно выждать прохода противника; и если послѣдній не атакуетъ, а дѣйствія на линіи сообщенія не соотвѣтствуютъ обстановкѣ, то обороняющійся въ нападеніи (на флангъ проходящаго противника) найдетъ прекрасное средство для рѣшенія дѣла.

Если же случаи этого рода почти совершенно отсутствуютъ въ исторіи, то причина тому то, что у обороняющихся рѣдко хватало отваги выдержать въ такомъ положеніи; онъ обыкновенно или раздѣлялъ свои силы, или спѣшилъ преградить путь противнику поперечными и діагональными маршами (quer und diagonal-marsche). Съ другой стороны и наступающій не смѣлъ пройти мимо противника при подобной обстановкѣ, такъ что движеніе останавливалось.

Итакъ, обороняющійся въ такомъ случаѣ вынужденъ разыграть наступательное сраженіе ¹⁾; онъ долженъ уже отказаться отъ выгодъ *выжиданія, отъ крепкой позиціи, отъ хорошихъ окоповъ* и т. п.; а состояніе (положеніе, Lage), въ которомъ онъ най-

¹⁾ Не надо забывать, что авторъ разбираетъ тутъ случаи, когда обороняющійся или, вѣрнѣе, выжидающій противника на *своемъ* театрѣ войны, *стремится къ рѣшенію*.

дети противника, въ большинствѣ случаевъ не вознаграждать тому потери указанныхъ выгодъ. Наступающій поэтому и остановился, чтобы избѣжать послѣдствій выгодныхъ условій обороняющагося. Однако, положеніе противника все же представляетъ обороняющемуся *известное возмѣщеніе* (Ersatz). Такимъ образомъ теорія не потеряла разомъ изъ счета величину (Grösse); въ ней *за и противъ* (pro et contra) не поглотили другъ друга взаимно, какъ это часто случается, когда критическіе историки приводятъ (einlegen) отрывки теоріи.

Предостерегаемъ, что вовсе не имѣемъ тутъ дѣла съ тонкостями (Spizfindigkeiten), напротивъ того, предметъ этотъ, чѣмъ болѣе смотришь на него съ практической стороны, является въ видѣ идеи (Gedanke), обнимающей и проникающей все дѣло обороны и ею управляющей.

Обороняющійся тогда только безопасно проскользнетъ мимо двухъ пропастей, близъ коихъ ведетъ оборона (раздѣльное расположеніе и поспѣшно забѣганіе дороги противнику), когда онъ твердо рѣшился всѣми силами напасть на противника въ то время, когда послѣдній проходитъ мимо. Иначе онъ поддается почину противника. Онъ въ обоихъ случаяхъ прибѣгнетъ къ мѣропріятіямъ, вызываемымъ положеніемъ крайне стѣсненнымъ, съ опасной поспѣшностью; поэтому рѣшительный, алчущій побѣды противникъ, натываясь на такое положеніе дѣлъ, всегда въ дребезги разбивалъ обороняющагося.

Но когда обороняющійся собралъ свои силы въ настоящемъ пунктѣ для общаго боя, если онъ рѣшилъ на худой конецъ напасть на противника сбоку, то онъ *правъ* и остается таковымъ, опираясь на всѣ выгоды, которыя представляетъ оборона въ его положеніи. *Хорошая подготовка, увѣренность, единство и простота*, вотъ черты его дѣйствій.

Не можемъ удержаться, чтобы не упомянуть о великомъ историческомъ событіи, близко касающемся развиваемаго тутъ; цѣль наша главнымъ образомъ предотвратить ложныя на него ссылки.

Когда въ 1806 году прусская армія поджидала въ Турингіи французскую армію Бонапарта, то она находилась между двумя дорогами, по коимъ могъ наступить противникъ, а именно, ведущими: одна черезъ Гофъ (Hof), а другая черезъ Эрфуртъ на Лейпцигъ и Берлинъ. Это послѣднее расположеніе было плодомъ съ одной стороны прежняго, оставленнаго потомъ намѣренія вторгнуться черезъ Тюрингскій лѣсъ во Франконію и послѣдовавшей

за тѣмъ неувѣренности: по какому именно пути направятся французы.

Указанное расположеніе пруссаковъ *само по себѣ* вело къ необходимости поспѣшно забѣгать путь противнику. Таково и было намѣреніе пруссаковъ въ случаѣ наступленія французовъ черезъ Эрфуртъ, такъ какъ туда вели вполнѣ удобныя дороги; наоборотъ, нельзя было имъ думать передвинуться по пути въ Гофъ; частью потому, что требовалось сдѣлать два—три перехода, частью же по поводу отдѣлявшаго глубокаго вѣза р. Саалы. Герцогъ Брауншвейгскій никогда и не имѣлъ такого намѣренія и ничего въ этомъ смыслѣ подготовлено не было. Наоборотъ, такимъ всегда было намѣреніе (*Absicht*) князя Гогенлоэ (*Hohenlohe*), т. е. полковника Моссенбаха ¹⁾, который насильно старался внушить его герцогу.

Еще менѣе могло быть рѣчи о переходѣ изъ расположенія, занимаемаго на лѣвомъ берегу р. Саалы, въ наступательное сраженіе противъ подходящаго Бонапарта, т. е. исполненіе такого боевого фланговаго нападенія, какое мы выше указали. Препятствіе въ видѣ Саалы само по себѣ уже заставляло призадуматься, когда вопросъ шелъ о томъ, чтобы въ послѣдній моментъ забѣжать дорогу противнику, который долженъ былъ уже владѣть противоположнымъ (правымъ) берегомъ по меньшей мѣрѣ отчасти.

Итакъ, герцогъ рѣшилъ выждать дальнѣйшихъ событій, оставаясь за Саалой. Говоримъ рѣшилъ, если только возможно приписать личному рѣшенію что-либо изъ того, что въ этой многоголовой главной квартирѣ творилось во время полнаго замѣшательства и величайшей нерѣшительности.

Но какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ изъ выжиданія слѣдовало, что можно было: а) атаковать непріятели въ то время, когда онъ переходилъ Саалу, отыскивая пруссаковъ; б) когда же онъ оставилъ пруссаковъ въ покоѣ,—дѣйствовать на его сообщенія; или, наконецъ, в) если бы считалось исполнимымъ и соответственнымъ, то можно было еще быстрымъ фланговымъ маршемъ пересѣчь противнику дорогу, у Лейпцига.

Въ первомъ случаѣ прусская армія, благодаря мощной долиніѣ Саалы, нашла бы крупное стратегическое и тактическое превосходство; во второмъ—такое же чисто стратегическое, потому что противникъ имѣлъ бы между пруссаками и нейтральной Богеміей

¹⁾ Начальникъ штаба герцога.

базу весьма узкую, между тѣмъ, какъ прусская была чрезвычайно широка. Наконецъ, прусская армія и въ третьемъ случаѣ, будучи прикрыта Саалой, не находилась еще въ положеніи неблагопріятномъ.

Всѣ указанные три случая дѣйствительно разбирались въ прусской главной квартирѣ, несмотря на путаницу и затменіе въ послѣдней. Однако, немудрено, что если среди сумятицы и нерѣшительности устояла еще одна изъ *идей*, то *исполненіе* въ этомъ волеводорогѣ не могло уже состояться.

Расположеніе на лѣвомъ берегу Саалы считалось, конечно типично-фланговымъ; и оно въ этомъ смыслѣ безспорно представляло большія выгоды. Однако, фланговое расположеніе арміи въ себѣ неувѣренной, противъ непріятеля въ превосходныхъ силахъ, *противъ Бонапарта, было мѣрой весьма смѣлой.*

Герцогъ Брауншвейгскій, послѣ долгаго колебанія, избралъ, 13-го числа третью изъ указанныхъ мѣръ; но было уже поздно. Бонапарте въ то время уже переходилъ Саалу и сраженія при Іенѣ и Ауэрштетѣ были неизбѣжны. Герцогъ сѣлъ между двухъ стульевъ; онъ уходилъ съ мѣста своего слишкомъ поздно, для того, чтобы *перестычь* противнику дорогу, и слишкомъ рано для *устыжнаго боя*. Тѣмъ не менѣе природная сила расположенія пруссаковъ выказалась настолько, что герцогъ могъ уничтожить непріятельское правое крыло у Ауэрштета, въ то время, когда князь Гогенлоэ могъ выпутаться изъ западни кровавымъ отступательнымъ боемъ. Однако, у Ауэрштета не посмѣли добиваться побѣды, бывшей *несомнѣнной*, а у Іены рассчитывали на успѣхъ, на дѣлѣ *совершенно невозможный.*

Во всякомъ случаѣ Бонапарте настолько сознавалъ стратегическую важность расположенія пруссаковъ на Саалѣ, что не посмѣлъ пройти мимо его и рѣшился на переправу въ виду непріятеля.

Полагаемъ, что мы сказаннымъ достаточно выяснили соотношенія обороны къ наступленію, въ случаѣ дѣйствій рѣшительныхъ, а равно указали мѣсто и связь тѣхъ нитей, къ коимъ могутъ быть прицѣплены единичныя части (предметы, Gegenstände) обороны. Не наше дѣло еще точнѣе пройти единичныя мѣропріятія распоряженія (Anordnungen); это повело бы на неисчерпаемое поле частныхъ случаевъ. Коль скоро полководецъ избралъ себѣ направляющую точку, то онъ разсмотритъ насколько мысли его соотвѣтствуютъ условія географическія, статистическія, политическія; далѣе — матеріальныя и личныя обстоятельства (Verhältnisse) его арміи, а

равно и непріятельской. Онъ, наконецъ, сообразить въ какой мѣрѣ то или другое повліяетъ на способъ исполненія.

Однако, для того, чтобы точнѣе связать и приблизить зрѣнію все сказанное (въ главѣ о способахъ обороны) объ усиленіи (возвышеніи въ степень, *Steigerung*) обороны, укажемъ тутъ то, что само навязывается намъ въ этомъ отношеніи.

1) Причины, побуждающія насъ идти навстрѣчу противнику съ цѣлью наступательнаго сраженія, могутъ быть слѣдующія:

а) Когда знаемъ, что противникъ будетъ наступать силами очень раздѣленными, такъ что мы вправѣ рассчитывать на успѣхъ даже при большой слабости.

Однако, раздѣльное наступленіе вторгающагося весьма мало вѣроятно; а потому указанный способъ обороны хорошъ тогда только, когда мы точно знаемъ, что непріятель дѣйствуетъ разрозненно. Рассчитывать же и возлагать на это всѣ надежды единственно на основаніи *предположеній*, слишкомъ рискованно и приводитъ обыкновенно къ неблагопріятному положенію. Обстоятельства окажутся не тѣ, которыхъ мы ожидали; отъ наступательнаго сраженія придется отказаться, а къ оборонительному мы не подготовлены. Мы будемъ вынуждены къ нежеланному отступленію и во всемъ почти должны положиться на «авось».

Такъ именно приблизительно разыгралась оборона арміи генерала Дона (Dona) противъ русскихъ въ кампанію 1759 года, которая закончилась неудачнымъ сраженіемъ Веделя у Цюллихау.

У прожекторовъ такой планъ дѣйствій подъ рукой, даже слишкомъ часто, онъ всегда готовъ, потому что они не задаются трудомъ разбирать насколько обоснованы предположенія, на которыя онъ опирается.

Продолжая за симъ перечисленіе благопріятныхъ обстоятельствъ, укажемъ:

б) Если мы вообще достаточно сильны для сраженія.

в) Когда манитъ къ этому противникъ особо нерѣшительный и неповоротливый.

Въ послѣднемъ случаѣ воздѣйствіе неожиданности можетъ оказаться болѣе цѣнно, нежели все усиленіе мѣстностью на хорошей позиціи. Самая суть хорошаго веденія войны состоитъ въ томъ, чтобы такимъ способомъ ввести въ игру всю мощь силъ нравственныхъ. Однако, теорія должна предостерегать возможно чаще, что подобныя предположенія должны быть основаны всякій разъ на обстоятельствахъ *даннаго случая* (*objective Gründe*); безъ

подобныхъ къ *данному случаю* оснований (*individuelle Gründe*); неосновательно и недозволительно будетъ говорить все только о нечаянности и превосходствѣ необыкновенной атаки, равно—строить на этомъ планы, разборы и критику.

г) Если свойства нашей арміи особо благопріятствуютъ наступленію.

Фридрихъ Великій не ошибался и не полагался на пустые миражи, рѣшивъ, что прусская армія въ его крѣпкой и смѣлой рукѣ съ привычнымъ ей косымъ боевымъ порядкомъ, болѣе способна атаковать, нежели обороняться, потому что армія эта была храбра, подвижна, послушна, преисполнена довѣрія и гордости, къ тому еще и приучена къ точнымъ эволюціямъ.

Всѣхъ этихъ свойствъ недоставало противникамъ короля; въ этомъ именно состояло его самое рѣшительное превосходство. Воспользоваться всѣмъ этимъ сулило Фридриху гораздо болѣе выгодъ, нежели пользованіе мѣстными препятствіями или окопами.

Однако, такое превосходство будетъ встрѣчаться весьма рѣдко; тѣмъ болѣе, что хорошо вышколенная, обученная крупнымъ эволюціямъ армія дастъ только *часть* такого превосходства. Если Фридрихъ утверждаетъ, что прусская армія преимущественно способна атаковать, если другіе постоянно повторяли это за королемъ, то все-таки, подобное изреченіе отнюдь не слѣдуетъ перещивать. Всякъ, въ большинствѣ случаевъ, вообще чувствуетъ себя на войнѣ лучше и мужественнѣе при атакѣ, нежели при оборонѣ; такія чувства свойственны всѣмъ арміямъ и едва ли найдутся такія арміи, полководцы и вожди коихъ не утверждали бы о нихъ того же самаго. Итакъ, не слѣдуетъ легкомысленно поддаваться призраку превосходства, рискуя прозвѣвать дѣйствительныя выгоды (преимущества, *Vortheile*).

Весьма вѣскимъ побужденіемъ къ наступательному сраженію можетъ быть соотношеніе родовъ оружія, а именно, многочисленная конница при маломъ числѣ орудій ¹⁾.

Продолжаемъ перечисленіе:

д) Когда нѣтъ никакой возможности найти хорошую оборонительную позицію.

е) Когда приходится поспѣшать рѣшеніемъ; наконецъ

¹⁾ Нужно не забывать, что высказано это подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ и на основаніи войнъ Наполеоновскихъ. Теперь обстоятельства во многомъ перемѣнились.

ж) совокупность нѣсколькихъ или всѣхъ перечисленныхъ причинъ.

2) Выжиданіе непріятеля въ мѣстности, на которой мы намѣрены сами напасть на него (Миндець 1759 г.). Основано оно естественно на томъ: а) что нѣтъ такой значительной разницы въ силахъ, въ нашу невыгоду, чтобы понудить насъ искать крѣпкой позиціи, и б) что нашлась мѣстность особенно тому благопріятствующая. Свойства отъ нея требуемыя принадлежать тактикѣ: скажемъ только, что состоятъ они будутъ въ свободномъ доступѣ съ нашей стороны и различныхъ препятствіяхъ къ сторонѣ противника.

3) Обороняющійся занимаетъ позицію, для дѣйствительнаго выжиданія на пей атаки непріятеля: а) когда неравенство силъ вынуждаетъ его прибѣгать къ защитѣ мѣстными препятствіями и окопами, и б) когда мѣстность сама представляетъ отличную позицію этого рода.

Способы сопротивленія, указанные подъ 2-мъ и 3-мъ пунктами, болѣе примѣнимы тогда, когда мы сами рѣшенія не ищемъ готовы довольствоваться успѣхомъ пассивнымъ (въ отрицаніи, negativ) и можемъ ожидать, что противникъ будетъ мешкать, дѣйствовать нерѣшительно и, въ концѣ концовъ, въ исполненіи своихъ плановъ завязнетъ.

4) Укрѣпленный и непрístupный лагерь исполнить свою задачу тогда только:

а) Когда онъ расположенъ въ пунктѣ, имѣющемъ особо важное стратегическое значеніе.

Характеристическая особенность такого расположенія та, что мы въ немъ непобѣдимы, такъ что непріятель вынужденъ прибѣгнуть къ любому иному средству (лишь бы не къ атакѣ), другими словами, онъ долженъ стремиться къ своей цѣли, не взирая на наше присутствіе на позиціи, или же—обложить насъ и принудить къ сдачѣ голодомъ. Для того, чтобы онъ не въ состояніи былъ исполнить ни того ни другого, требуются очень выгодныя для насъ стратегическія условія занятаго пункта.

б) Когда ожидаемъ выручки извнѣ.

Таково именно было состояніе Саксонской арміи въ ея расположеніи у Пирны. Несмотря на всякія порицанія, высказанныя въ виду дурного для саксонцевъ исхода ихъ мѣропріятія, все-таки вѣрно одно, что инымъ способомъ 17 тысячамъ саксонцевъ никакъ не удержать (нейтрализовать) 40,000 пруссаковъ. Если же

австрійская армія не сумѣла лучше воспользоваться своимъ превосходствомъ, у Ловозица, то это доказываетъ только, въ какой-степени дурно у нихъ было веденіе войны и все военное ихъ устройство (Kriegseinrichtung). Съ другой стороны нельзя сомнѣваться въ томъ, что если бы саксонцы, вмѣсто того, чтобы занять лагерь у Пирны, отступили въ Богемію, то Фридрихъ въ ту же кампанію погналъ бы саксонцевъ и австрійцевъ за Прагу и взялъ бы ее. Кто не желаетъ принять въ расчетъ указанной выгоды и думаетъ только о плѣненіи цѣлой арміи, тотъ вообще неспособенъ правильно рассчитывать, а безъ расчета немислимы обезпеченные (вѣрные) результаты.

Но такъ какъ случаи, указанные подъ а и б, встрѣчаются очень рѣдко, то надо непременно зрѣло обдумать дѣло раньше, чѣмъ прибѣгнуть къ расположенію въ укрѣпленномъ лагерѣ. Надежда *озадачить* противника, и этимъ парализировать (lähmen) всю его дѣятельность, связана со слишкомъ крупной опасностью, а именно, съ опасностью сраженія безъ пути отступления. Если же Фридрихъ, будучи въ подобномъ же положеніи, у Бунцельвица достигъ имъ своей цѣли, то приходится удивляться его вѣрной оцѣнкѣ противника и, сверхъ того, еще болѣе, нежели позволительно въ другихъ случаяхъ, уповать на находчивость, благодаря коей онъ въ послѣдній моментъ нашелъ бы способъ проложить себѣ путь съ остатками своей арміи; наконецъ, нельзя упустить изъ вида и *безответственности* монарха.

5) Если близъ границы находится крѣпость или нѣсколько таковыхъ, то является основной вопросъ: разыграть ли бой впереди ихъ, или же позади; это послѣднее мотивируется: а) превосходствомъ силъ непріятели, вынуждающимъ насъ надломить (brechen) ихъ до боя; б) близостью крѣпостей къ границѣ, которая даетъ возможность ограничить полосу жертвуемой территоріи, и в) оборонительной силой крѣпостей.

Одно изъ самыхъ главныхъ назначеній крѣпостей безспорно то, чтобы дробить наступленіе силъ противника съ тѣмъ, что бы значительно ослабить ту часть, съ которою мы сразимся. Если же рѣдко только пользовались крѣпостями для такихъ цѣлей, то это потому, что столь же рѣдко одна изъ сторонъ стремилась къ рѣшенію, а между тѣмъ мы говоримъ тутъ исключительно о такомъ именно случаѣ. Итакъ, считаемъ столь же простымъ и важнымъ правило (Grundsatz), что обороняющійся, имѣя по близости одну или нѣсколько крѣпостей, долженъ оставить ихъ впереди

себя, а рѣшительное сраженіе разыграть позади ихъ. Допускаемъ, что сраженіе, потерянное позади крѣпостей, отбросить насъ нѣсколько болѣе вглубь страны, нежели проигранное передъ крѣпостями, хотя причины этой разницы существуютъ болѣе въ воображеніи, нежели въ области матеріи.

Мы сами готовы напомнить еще о томъ, что сраженіе впереди крѣпостей можетъ быть разыграно на хорошо избранной позиціи, между тѣмъ какъ сраженіе позади ихъ во многихъ случаяхъ должно быть наступательно, а именно, когда непріятель осаждаеть крѣпость и она, слѣдовательно, въ опасности быть взятой, но что же значать эти мелкіе оттѣнки, въ сравненіи съ нашей выгодой, коль скоро непріятель въ рѣшительномъ сраженіи очутится слабѣе на четверть, на треть или даже на половину, если онъ имѣеть дѣло съ нѣсколькими нашими крѣпостями.

Итакъ, мы увѣрены, что наличность близъ лежащей способной къ сопротивленію крѣпости должна непременно побудить насъ сразу отступить за нее, съ тѣмъ, чтобы дать сраженіе по сю ея сторону, то есть при ея участіи (содѣйствіи, Mitwirkung), это необходимо во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда *рѣшеніе неизбѣжно*, когда къ нему стремится нашъ полководецъ или непріятельскій. Распорядиться иначе можемъ развѣ тогда только, когда мы и безъ того достаточно увѣрены въ побѣдѣ или условія мѣстности неизбѣжно принуждаютъ дать сраженіе болѣе впереди.

Если мы, отойдя за крѣпость, выберемъ такое расположеніе, что непріятелю, непрогнавшему насъ, невозможно ни осадить крѣпость, ни атаковать ее, то мы вмѣстѣ съ тѣмъ вынуждаемъ его отыскать насъ на нашей позиціи. По этимъ причинамъ полагаемъ, что въ опасномъ положеніи ни одна мѣра не отличается такой дѣйствительностью и несложностью, какъ выборъ хорошей позиціи позади значительной крѣпости, въ недалекомъ отъ нея разстояніи.

Однако, дѣло это представляется въ иномъ видѣ, когда крѣпость расположена болѣе вглубь нашей территоріи; потому что тогда придется предоставить непріятелю значительную часть края; а такая жертва, какъ знаемъ, приносится тогда только, когда обстоятельства этого требуютъ. Въ такомъ случаѣ, указанное мѣропріятіе болѣе близко къ отступленію вглубь страны вообще.

Другое требуемое условіе это—чтобы крѣпость способна была сопротивляться. Извѣстно, что бывають укрѣпленные пункты, въ особенности изъ числа большихъ, которые нельзя подвергать прикосновенію съ непріятельской арміей, потому что онѣ не въ си-

лахъ отбить открытаго нападенія большихъ массъ противника. Въ такомъ случаѣ по меньшей мѣрѣ расположеніе наше должно бы быть такъ близко къ крѣпости, чтобы была возможность поддерживать ея гарнизонъ ¹⁾).

6) Наконецъ, и самое отступленіе внутрь страны будетъ естественнымъ (natürlich) мѣропріятіемъ только при слѣдующихъ обстоятельствахъ: а) когда по причинѣ соотношенія нашихъ нравственныхъ и физическихъ силъ съ таковыми же непріятельскими невозможно думать объ удачномъ сопротивленіи на границѣ или по близости ея; б) когда главное дѣло: выигрышь времени, и в) когда тому благопріятствуютъ условія (отношенія Verhältnisse) края, о чемъ сказано уже въ главѣ двадцать пятой.

Этимъ заканчиваемъ главу объ оборонѣ театра войны, въ тѣхъ случаяхъ, когда одна или другая сторона добивается рѣшенія, которое, слѣдовательно, неизбежно. Однако, мы обязаны напомнить, что на войнѣ дѣло не представляется въ столь чистомъ видѣ. А потому тотъ, кто пожелаетъ перенести наши положенія и заключенія на дѣйствительную войну, долженъ имѣть въ виду еще и главу тридцатую. (Оборону театра войны, когда не ищутъ рѣшенія. *Перев.*). Полководца въ большинствѣ случаевъ нельзя себѣ вообразить иначе, какъ приближающагося то къ одному, то къ другому направленію, смотря по обстоятельствамъ.

---

¹⁾ Авторъ, повидному, имѣетъ тутъ въ виду большіе города своего времени, обнесенные уплѣвшими еще, но уже устарѣвшей системы укрѣпленіями